18+

Сергей Сергеевич Коныгин

Зверь из тайги

Роман

Сергей Коныгин

Зверь из тайги. Роман

«Издательские решения»

Коныгин С. С.

Зверь из тайги. Роман / С. С. Коныгин — «Издательские решения»,

Зима 1957 года, Иркутская область. По деревням проходит огромный волк, и на него указывают следы. Следователь Корнеев и волчатник Брагин разбирают цепочку смертей и видят: одну зверь не совершал. Роман о двух хищниках и о людях, которым приходится их различить.

© Коныгин С. С.
© Издательские решения

Содержание

Зверь из тайги Роман Глава 1. Охота 6
Глава 2. До рассвета 11
Глава 3. Следователь 16
Глава 4. Обратный след 22
Глава 5. До темноты 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Зверь из тайги
Роман

Сергей Сергеевич Коныгин

© Сергей Сергеевич Коныгин, 2026

ISBN 978-5-0071-7908-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зверь из тайги Роман Глава 1. Охота

Март 1957 года. Иркутская область.

На старой лесовозной дороге волки разошлись веером. До неё тянулась одна цепочка: звери ступали след в след, и Брагин долго не мог пересчитать их. Здесь, на открытом месте, каждый оставил свою дорожку. Пять цепочек пересекали занесённую колею и сходились под елями.

Брагин поднял руку. Шестеро мужчин остановились позади него, ещё не успев выбраться из низины. Кто-то тяжело дышал; у последнего скрипело лыжное крепление.

— Пятеро, — сказал Брагин подошедшему Фёдору Шубину. — Гляди, где разошлись.

Фёдор откинул шапку с уха и оглядел дорогу.

— Свежие?

— До ветра прошли. Если дальше не ушли, день у нас есть.

Он снял лыжу с правой ноги и осторожно поставил валенок возле колеи. За поваленной берёзой темнел отпечаток передней лапы. Ветер припорошил его с одной стороны, но под стволом снег сохранился; Брагин сдул мелкую крупу и поднёс к следу ладонь.

Фёдор нагнулся через его плечо.

— Ничего себе лапища.

Савелий Кузьмич промолчал. Провёл пальцем по краю, проверяя, не обвалился ли снег, потом поискал следующий отпечаток. Тот был такой же. Зверь перемахнул через берёзу, оставив по другую сторону две глубокие ямки, и пошёл дальше широким ровным шагом. Остальные обогнули ствол.

— Матёрый? — спросил Фёдор.

— Увидим.

— А что тут видеть. След-то вон.

Брагин поднялся и натянул рукавицу. Пятьдесят восемь лет давали о себе знать после долгой ходьбы, особенно когда приходилось вот так приседать на морозе. Он распрямил колено, прежде чем снова поставить ногу на лыжу. Фёдор ждал ответа.

— След я вижу, — сказал Брагин. — Самого ещё не видел.

Он ходил по тайге с подростковых лет, а волком занимался около тридцати. За это время ему не раз приносили вести о звере величиной с телёнка. Обыкновенно после таких рассказов находился волк как волк, а огромный след оказывался разбит солнцем или оставлен двумя лапами в одной лунке. Здесь мороз держался, и отпечатки были чёткими. Брагин ещё раз оглянулся на берёзу, запоминая место.

Под дорогой начинался распадок. Ельник спускался к замёрзшему ручью, на противоположном склоне чернели старые обгорелые стволы. Дальше лес редел; по вырубке и верхней дороге можно было обойти весь участок, не заходя в густые ели, где стая, вероятнее всего, легла бы на день.

Брагин подозвал остальных и разделил людей. Двоих послал по верхней дороге, троих — за ручей. Сам пошёл с Фёдором к нижнему концу распадка.

— Внутрь не суйтесь. Выходы считайте. Встретимся у балагана.

Николай Зырянов, самый молодой, поправил ружейный ремень.

— А если поднимем?

— Тогда скажешь, в какую сторону ушли.

До балагана добрались к одиннадцати. От него остались три стены и провалившаяся крыша; в углу из снега торчала ржавая печная труба. Мужчины сняли мешки, достали хлеб. Пока ели, Брагин выслушивал каждого, переспрашивал, где именно прошли, не было ли на дороге старых следов, которые могли принять за ночные.

Стая осталась в ельнике. Ни на ручье, ни за гарью выходов не нашли.

Фёдор предложил Брагину кусок сала, но тот показал на свой хлеб. Он уже чертил веткой на снегу ручей и края вырубки. Ветер шёл с востока; стрелков следовало поставить по западной стороне, а флажками обойти участок с трёх остальных.

Пятеро встанут на номера: сам Брагин, Фёдор, Николай и ещё двое. Двое погонят.

— Мне куда? — спросил Николай.

— Левее меня. Я покажу. До времени не ходи там.

Брагин объяснил, как зверь мог выйти из ельника: у ручья, через старую гарь либо в узкий проход под каменистым выступом. Последний он брал себе. Там близко подходили ели, и стрелять пришлось бы накоротке.

— Соседа каждый должен знать, — сказал он. — Вдоль номеров не бить. На месте стоять, пока загонщики не выйдут. Даже если свой волк лежит рядом. Понятно?

Николай кивнул с полным ртом.

— Ты доешь. Я ещё не всё сказал.

Фёдор усмехнулся и стал разматывать шнур. Красные лоскуты были выцветшими, с потемневшими краями; один держался на суровой нитке, другой был сшит из двух кусков. Брагин расправил сбившийся узел и отдал моток Николаю.

— У камней линию к лесу прижми. На сухие сучья не крепи: натянется — сломает. Не достанешь до дерева — зови.

— Достану.

— Ну и ладно.

Они разошлись. За стеной балагана ещё некоторое время слышался скрип лыж, потом ветер принёс из распадка сухой стук дятла.

⁂

Брагин расставлял стрелков сам. Каждому показывал соседний номер и просветы, в которых можно было ждать зверя. Последним поставил Николая у молодых елей. Оттуда была видна часть вырубки, но до Брагиновой сосны просматривалось лишь несколько узких щелей между ветвями.

— Здесь и стой. За кустами не стреляй, дай выйти.

Николай утоптал снег под ногами. У него порозовели щёки, в волосах под шапкой таяли снежинки.

— Флажки у камня довёл? — спросил Брагин.

— Довёл. Сошлись.

Издали, с нижнего конца линии, махнул рукой Фёдор. Стрелки были готовы; оставалось обойти край оклада и дать знать загонщикам. Брагин посмотрел вверх, на камни. За ними скрывался участок, который делал Николай. Чтобы проверить его, пришлось бы возвращаться по своему следу и заходить снаружи. Он решил, что парень справился: Фёдор был рядом и помогал ему.

— После загона ко мне подойдёшь, — сказал он. — Не раньше.

У своей сосны Брагин снял лыжи и уложил их позади ствола. Снег здесь был неглубокий. На солнечной стороне вырубки за последние дни его прихватило коркой; под елями он оставался рыхлым, и зверь, выходя из леса, должен был сразу попасть на открытое место.

Он выбрал два просвета, проверил, не заденет ли стволами нижнюю ветку, и остановился, прислонившись плечом к сосне. Воздух тянул ему в лицо. Из глубины ельника пахло хвоей и старой сырой корой.

Время стало уходить незаметно. Сначала Брагин ещё слышал Фёдора: тот обогнул край, предупредил загонщиков и вернулся на номер. Потом в лесу остались дятел и шорох ветвей над головой. Под воротом начал остывать пот. Брагин осторожно переставил ноги, перехватил ружьё, чтобы согреть правую руку под мышкой.

Утренний отпечаток вспоминался против воли. Он прикидывал, какой зверь мог оставить его, и каждый раз мысленно возвращался к обычному крупному самцу. Снег бывает обманчив. Увидит — тогда и скажет.

Из распадка донёсся голос. Второй загонщик ответил дальше, за ручьём. Они двигались без спешки, изредка перекликаясь. Брагин высвободил правую руку.

⁂

Самец поднял голову, когда запах человека ещё едва пробивался сквозь еловую хвою. Он лежал за вывороченными корнями, выше волчицы и трёх молодых. Ветер приносил запах порывами; между ними волк успевал опустить морду, но сна уже не было.

Волчица встала следом за ним. Один из молодых потянулся к её боку, другой отряхнулся, осыпав снегом лежку. Самец прошёл между корнями и остановился у частого подроста. Отсюда чужой запах чувствовался сильнее.

Стая тронулась вниз по склону. Волчица вышла вперёд, молодые держались возле неё. У ручья между деревьями протянулось нечто незнакомое. Красный лоскут пошевелился, повернулся ребром и снова раскрылся. Волчица вытянула шею. В ткани, в шнуре, в снегу под ними стоял запах людей.

Она отступила и пошла вдоль линии. Молодой самец попытался обогнать её, приблизился к флажкам и тоже свернул. Сзади послышался голос. Все трое молодых прижались друг к другу, затем побежали вслед за волчицей.

Матёрый задержался у ели. За стволом ничего не было видно, но человеческий голос прозвучал снова, ближе. Волк развернулся и пошёл за стаей, не приближаясь к шевелящейся ткани.

⁂

Первый выстрел донёсся слева. Через короткий промежуток там ударили ещё два. Брагин прислушался: по звуку трудно было понять, стрелял Фёдор или дальний сосед. Голоса загонщиков на время пропали за эхом, затем обозначились снова.

В проход выскочил заяц. Брагин увидел его раньше, чем успел поднять ружьё, и только проводил взглядом через вырубку. Под ветвями оставалось тихо.

Потом качнулась еловая лапа.

Молодая волчица бежала к проходу, низко вытянув голову. На боку, среди серой шерсти, чернело мокрое пятно. Брагин приложился, пропустил её за последнюю ветку и выстрелил. Зверь повалился на бок, проехал по снегу и остановился у соснового корня. Передняя лапа скребнула корку, вытянулась.

Брагин переломил ружьё. Пустая гильза была тёплой даже через озябшие пальцы. Он сунул её в карман, вставил новый патрон и снова встал к сосне.

Слева стреляли ещё. Он считал выстрелы, но счёт уже ничего не говорил о волках: в одного могли бить несколько раз. Брагин знал только, что возле его номера лежит молодая самка, а в ельнике остаётся зверь. Подходить к убитой было нельзя.

У ручья прозвучал одиночный выстрел. Затем кто-то далеко крикнул, и в чаще опять затихло.

Брагин заметил движение у земли. Под низкой веткой появилась морда, следом вышли плечи, раздвигая еловые лапы. Самец остановился на снегу.

Первые мгновения Брагин смотрел на него поверх ружья. Зверь был близко, не дальше тридцати шагов, и сравнить его можно было с лежавшей у корня молодой волчицей. Ещё минуту назад она казалась крупной. Теперь разница была такой, что Брагин невольно перевёл взгляд с неё обратно на самца.

У него была широкая грудь, тяжёлый загривок и большая, скуластая голова. Бока серо-бурые, светлее у живота; от шеи до самого хвоста тянулась густая чёрная шерсть. На снегу эта спина выделялась резко, даже там, где её пересекали тени ветвей.

Волк повернул морду. Брагин увидел янтарный глаз, короткое движение уха и сразу прижал приклад к плечу. Самец уже перемещался вдоль кромки ельника. Мушка легла за лопатку, но между стволом и зверем оказался тонкий сосновый сук. Брагин повёл ружьём дальше, ожидая ещё одного шага.

Слева выстрелил Николай.

Сосну перед волком обдало щепой. Самец отпрянул, мгновенно развернулся и прыгнул обратно в проход. Брагин успел увидеть чёрную спину между двумя стволами и нажал на спуск. Снег ударил вверх у корня. Волк ушёл за ели.

Брагин оставался с ружьём у плеча, пока качавшаяся ветка не замерла. Потом опустил стволы и посмотрел на сосну, в которую попал Николай. По направлению удара выходило, что тот стрелял почти вдоль номеров.

— Николай!

За елями ответили не сразу.

— Чего?

— Ружьё вниз. Стой на месте.

— Он на меня шёл, Кузьмич!

— Стой, говорю.

Брагин сменил патрон. Ему хотелось пройти к сосне, посмотреть, не задело ли зверя, но из распадка ещё доносились голоса. Он убрал стреляную гильзу в тот же карман, где лежала первая, и стал ждать.

Когда показались загонщики, солнце уже скрылось за увалом. Они вышли порознь, один возле ручья, другой выше, у гари. Оба подали голос. Только тогда Брагин поднял лыжи и покинул номер.

Николай подошёл с расстёгнутым воротом. Он смотрел то на молодую волчицу, то на тёмный проход.

— Я думал, бросится, — сказал он. — Как вышел… Ты видел, какой?

— Видел. А я где стоял, ты видел?

Николай перестал смотреть на ельник.

— Там же, у сосны.

— Вот. И ты в ту сторону выстрелил.

— Кузьмич, я не в тебя.

Брагин посмотрел на него, потом повернулся к следам. Возле сосны лежала свежая щепа. Дальше самец прошёл несколькими длинными скачками и свернул вверх, к камням. Крови Брагин не нашёл.

Они пошли вдоль склона. Через две сотни шагов показались флажки. Несколько лоскутов лежали в снегу, и между ними тянулся след волка. У дерева Брагин поднял сломанный сук. К нему двумя узлами были привязаны концы шнура.

Николай остановился позади.

— До ствола не достало, — сказал он. — Я потянул, держалось.

Брагин провёл ладонью по сухому излому.

— А позвать?

— Фёдор уже дальше пошёл. Я думал, так сойдёт.

Самец не бросился прямо на флажки. Отпечатки подходили к линии сбоку, несколько шагов шли вдоль неё, затем пересекали провал. За ним зверь спустился в мелколесье. Там начиналась другая падь; с места, где стояли охотники, её дна не было видно.

— Я его на мушке держал, — проговорил Николай. — Не понимаю, как мимо.

Брагин положил сук на снег. Он помнил, как спросил о флажках и удовлетворился ответом. От его номера до камней было совсем недалеко.

— Ты поспешил. Я не проверил, — сказал он. — Теперь снимай. С этого конца.

Николай поглядел вниз, за следом.

— А за ним?

— До темноты опять обложить не успеем. Пойдём по пятам — дальше стронем.

Он развязал ближайший шнур и начал собирать флажки. Николай взял другой конец. Некоторое время они работали молча.

⁂

Четырёх волков стянули к краю вырубки. Фёдор взял молодого самца; добивать пришлось вторым выстрелом. Ещё один молодой остался у ручья, взрослая волчица вышла на крайний номер. Теперь все лежали рядом, и охотники, переводя дыхание после переноски, рассматривали добычу.

Брагин присел возле взрослой самки. Обычная волчица. Прошлогодние были рослыми, ещё нескладными, с большими лапами. Он провёл рукой по загривку одного из них и вспомнил голову зверя, вышедшего из ельника.

Фёдор стоял рядом, засунув руки под мышки.

— Четверых взяли. А ты будто пустой вернулся.

— Пятый ушёл.

— Ну, ушёл. Нам тоже домой пора. Сколько до дороги тащить.

Брагин поднялся. Возразить было нечего: смеркается, люди устали, работа впереди. Но взгляд возвращался к тому месту, где самец показался из-под ветвей.

— Николай говорит, огромный, — продолжил Фёдор. — Под центнер, что ли?

— Не взвешивал.

— Да я не про весы. Ты-то разглядел?

— Разглядел. Спина чёрная, от загривка до хвоста. Бока бурые. Голова широкая. Близко стоял.

Он помолчал, вспоминая, как янтарный глаз повернулся к нему из тени.

— За все годы такого не видел.

Фёдор оглянулся на Николая. Тот укладывал флажки, старательно расправляя каждый лоскут перед тем, как намотать его на моток. Рядом валялся обломанный сук; он принёс его с собой и теперь не знал, куда деть.

— Ладно, — сказал Фёдор. — Будем знать.

Брагин хотел ответить, но за распадком раздался вой. Низкий голос протянулся над лесом, замер и через некоторое время возник снова. Мужчины перестали возиться с волками. Один снял шапку с уха.

— Этот? — спросил Николай.

— Может, этот.

Ответного воя не было. Брагин подождал, пока звук стихнет, поднял моток флажков и перебросил через плечо.

— Давайте собираться.

⁂

Самец стоял на увале, в стороне от своего следа. Внизу темнели ели, дальше, за другим склоном, остались человеческие голоса и запах выстрелов. Он долго прислушивался, поворачивая уши. Ветер шевелил шерсть на шее.

Волк втянул воздух, вытянул морду и завыл ещё раз. Потом стоял с открытой пастью, ожидая. Из распадка донёсся треск дерева. Самец шагнул за сосну и замер.

Никто не появился. Он обошёл ствол, понюхал снег и начал спускаться. На середине склона остановился, повернул голову назад. Лес был тих. Волк постоял ещё немного и пошёл в темнеющую падь.

Глава 2. До рассвета

5 декабря 1957 года. Тихая Затесь.

Егор Ильич вышел во двор с хлебом во рту и, пока жевал, постоял возле саней, разглядывая воз. За ночь сено осело. Верёвка, вчера натянутая до звона, теперь свободно лежала поверх него. Если не подтянуть, на повороте кладь съедет под полоз.

Он положил рукавицы на передок, взялся за узел. Лошадь терпеливо ждала в оглоблях; только уши двигались, когда в сарае за стеной мычала корова. Из открытой двери сеней тянуло теплом и запахом разгоревшихся дров.

— Опять без чаю, — сказала жена с крыльца.

Старик ответил не сразу: стиснул верёвку, упёрся коленом в сено и затянул петлю.

— Вернусь — выпью.

— Холодный будет.

— Подогреешь.

Она не ушла. Он слышал, как жена притоптывает валенками на досках, и знал, что сейчас скажет что-то ещё. Так она стояла вчера вечером, когда из темноты к воротам подошёл Павел Серов и спросил, не видел ли кто Мишу.

— Не нашли ведь, — сказала она.

Егор Ильич поднял голову.

— Откуда знаешь?

— Соседка ихняя проходила. Анна всю ночь на ногах. По дворам ходили, у мальчишек спрашивали. Те говорят — у развилки разошлись, Миша домой пошёл. Где ж его носит?

Он посмотрел на улицу сквозь щель между створками ворот. Там было темно. Чуть дальше, за забором, кто-то прошёл с ведром; дужка постукивала о край в лад шагам.

— Зайдёшь к ним? — спросила жена.

— Сено сдам и зайду.

Воз привезли с дальнего покоса накануне. На последнем подъёме разошлась перевязь, и Егор Ильич с сыном долго подбирали сено, пока лошадь стояла в сугробе. Дома уже горели огни, когда добрались до ворот. До фермы оставалось недалеко, но сын махнул рукой: утро вечера мудренее, всё равно затемно вставать. Они завели воз во двор и распрягли.

Теперь Егор Ильич проверил узлы ещё раз, сунул вилы под верёвку и отворил ворота. Жена сняла с передка рукавицы, чтобы не забылись, и подала ему.

— Если люди нужны, возвращайся. Сашку подниму.

Он кивнул и тронул лошадь.

Деревня просыпалась. За закрытыми воротами двигались огоньки, звякали цепи у колодца. Из трубы над низкой избой вылетел сноп искр, и старик, проезжая, покосился на крышу: хозяин опять затапливал слишком мелкими дровами. На дороге женщина с вёдрами посторонилась, потом пошла за санями по утоптанному снегу.

— На ферму, Ильич?

— Куда ж ещё.

— Скажи, я сейчас. У своей сперва управлюсь.

Он поднял руку: слышал.

У Серовых светилось окно. Калитка была открыта, а тропинка к крыльцу вытоптана так широко, что виднелись края грядки под забором. Егор Ильич придержал лошадь, хотел окликнуть кого-нибудь, но двор оказался пуст. В доме от окна к двери прошла тень.

Он вспомнил вчерашнего Павла. Тот ещё не испугался по-настоящему, больше сердился, всё повторял, что сын знает, когда надо быть дома. Егор Ильич сказал ему: небось у приятеля

засиделся. Теперь эта фраза вспоминалась неприятно. Лучше бы спросил, у каких приятелей уже были, да сходил с ним хоть по своей улице.

Воз вытянулся за огороды. Дорога огибала горку и уходила к ферме, до которой отсюда оставалось с полверсты. По правую руку склон обрывался в ложбину с ивняком; летом в ней бежал ручей, а зимой ветер набивал туда снег, оставляя под краем дороги нависающий козырёк. Ребята катались с другой стороны горки, где склон был положе и можно было вылететь на ровное, не зацепившись за кусты.

Небо над дальним лесом начало светлеть. На самой дороге ещё лежала тень от бугра, но вершины ив были уже видны по отдельности. Егор Ильич сидел боком на передке, спрятав подбородок в воротник. Воз шёл тяжело, с ровным деревянным поскрипыванием; сено тихо шуршало возле уха.

Лошадь замедлила шаг. Он щёлкнул языком, и она прошла ещё немного, прежде чем остановиться.

— Ну, чего?

Она держала голову высоко и смотрела вправо. Егор Ильич дал слабину, думая, что мешают вожжи, но лошадь тут же попятилась. Оглобля толкнула его в колено.

Он сошёл на дорогу и взялся за узду. Провёл ладонью по тёплой шее, позвал, как звал всегда, когда надо было миновать незнакомую машину или брошенный у дороги брезент. Лошадь переступила передними ногами, но за ним не пошла.

Внизу ничего не двигалось. Только ветер гонял по склону снежную крупу, сыпал её в чёрные промежутки между ветвей. Старик всмотрелся туда и увидел возле куста узкую дощечку. Она лежала ниже обочины, одним концом почти ушла под намёт, а другой был загнут.

Лыжа. Вчерашние ребята бросили, подумал он, и тут же вспомнил про Мишу.

Возле нижних ветвей темнела красная шерсть.

Егор Ильич отвёл лошадь к столбу старой изгороди и привязал. Потом вернулся к обочине. Отсюда красного уже не было видно: мешал снежный козырёк. Пришлось спуститься на несколько шагов, цепляясь за ивовые прутья.

Серый отворот показался первым. За ним — тёмно-красный верх шапки.

Старик знал эту шапку. В прошлое воскресенье Миша стоял у него во дворе, придерживал под мышкой лыжу и просил подшить ремешок. Пока Егор Ильич доставал шило, мальчик снял шапку и засунул в неё озябшие руки. Потом надел, отчего отворот остался с одной стороны выше, и так ушёл, не поправив.

— Миша, — позвал старик.

Он уже видел плечо и спину. Мальчик лежал боком, головой к кусту. Одна лыжа осталась ближе к дороге; вторую Егор Ильич не заметил. Рука была вытянута из-под тела, голые пальцы наполовину засыпаны снегом.

Старик раздвинул ветви, опустился возле него. Хотел взять за плечо и повернуть к себе, но рука остановилась над разорванным воротом.

У шеи запеклась кровь. Из куртки выбилась вата, слипшаяся в тёмные комки. Ниже, у пояса, ткань была вырвана, и через прореху Егор Ильич увидел повреждённый бок. Там недоставало плоти. Он опустил взгляд на снег, потом заставил себя посмотреть на лицо.

Это был Миша.

Щека вдавилась в снег, ресницы слиплись. Старик коснулся его лба и задержал ладонь, хотя уже понял всё, что нужно было понять. Над ним шевелились ивовые прутья. Один тёрся о другой с негромким скрипом.

Егор Ильич сидел на корточках, пока не заболели ноги. Потом выпрямился, держась за куст. Надо было кому-то сказать. Павлу. Нельзя было оставлять мальчика одного, но и стоять здесь до света было нельзя.

Он оглянулся на дорогу. От неё к телу шла полоса смятого снега, присыпанная сверху; рядом виднелись углубления от лап. Старик не стал разбирать следы. Наверху была лошадь, дальше деревня, и он начал подниматься, выбирая те места, где только что ступал.

У столба он потянул узел, собираясь развязать лошадь, и вдруг остановился. С возом здесь не развернуться. Если идти до фермы, потеряет время. Он оставил повод привязанным, проверил, крепко ли держится, и пошёл к крайнему дому.

За воротами кололи дрова. Егор Ильич дождался, пока топор ударит, и позвал хозяина.

— Прохор!

Тот выглянул, держа полено поперёк живота.

— Сани сломал?

— Мальчика нашёл. Павлова.

Прохор бросил полено под навес.

— Где?

— У поворота. Внизу. Побудь там, пока я до них дойду.

По лицу старика он, видно, понял остальное: спрашивать больше не стал, только взял с гвоздя телогрейку. Егор Ильич двинулся вдоль забора. Хотел идти быстрее, но на подъёме начинало давить в груди; он сбавлял шаг и всё оглядывался, не идёт ли кто навстречу. Хорошо бы встретить Павла здесь, прежде чем стучать к Анне.

У Серовых никто не спал. Ещё в сенях он услышал женский голос, плеск воды, скрип передвинутой табуретки. Постучал — и дверь открылась почти сразу.

Анна посмотрела за его плечо.

— Павел с вами?

— Нет. Он где?

— За речку опять ушли. Сейчас должны…

Она осеклась. Егор Ильич стоял перед ней без шапки. В избе пахло остывшим чаем; на столе возле лампы лежала раскрытая школьная тетрадь, отодвинутая к стене вместе с карандашом. Старик узнал соседку, сидевшую на лавке, и на мгновение перевёл глаза на неё. Та поднялась.

— Нашли? — спросила Анна.

Он кивнул.

— Где он?

— У горки. С той стороны, к ферме.

— Почему там?

Егор Ильич молчал.

— Он там не мог быть. Они у развилки разошлись. Он к дому пошёл.

Она говорила быстро, как будто старик принёс неверные сведения и надо было немедленно объяснить ему ошибку. Потом подошла вплотную и взяла его за запястье.

— Ты чего молчишь?

— Мёртвый, Аня.

За её спиной соседка тяжело опустилась обратно на лавку.

Анна ещё держала его руку. Он чувствовал её пальцы, сухие и горячие после избы. Она смотрела ему в лицо, и Егор Ильич хотел сказать что-нибудь ещё — что был рядом, что не оставил одного, что Прохор теперь там, — но не находил, с чего начать.

— Покажи, — сказала она.

— За Павлом пошлём. Ты подожди немного.

Анна отпустила его, подошла к печи и взяла валенки. Соседка стала говорить, что пойдёт с ней, только оденется, но Анна не отвечала. Надела пальто, потянула из-под воротника платок. В сенях старик попробовал взять её под локоть.

— Я сама.

Она отодвинула его руку и вышла на крыльцо. Пока он надевал шапку, Анна уже миновала калитку.

Егор Ильич пошёл следом. Соседка догнала его у забора, обогнула и поспешила к Анне, на ходу завязывая платок. Впереди, у перекрёстка, показались трое мужчин. Один нёс потухший фонарь, двое шли рядом. Павел заметил жену и остановился посреди дороги.

Анна подошла к нему, ухватила за полу полушубка и стала что-то говорить. Егор Ильич был ещё далеко и слов не слышал. Он видел, как Павел оглянулся на него, подождал несколько мгновений, затем пошёл к горке. Анна сперва отстала, потом побежала следом.

Воз стоял там, где его оставили. Прохор держал лошадь, не давая ей заходить в сугроб. Увидев людей, он показал вниз. Павел спустился первым, Анна вслед за ним; снег осыпался из-под её ног, и соседка подхватила её за плечи.

Егор Ильич подошёл к столбу. Теперь отсюда было видно место находки: он сам обломал край надува, когда поднимался. Ветки, раздвинутые Прохором, торчали в стороны.

Анна опустилась возле сына и закрыла его голую руку своими ладонями. Павел стоял над ними, согнувшись, не находя места для ног. Потом присел с другой стороны, тронул мальчика за подбородок, повернул лицо настолько, насколько позволял снег.

— Мишка.

Он произнёс это негромко, с вопросом. Анна подняла на него глаза.

— Заберём его.

Павел не ответил. Егор Ильич увидел, как он осторожно отодвинул край воротника и сразу положил обратно. Потом отец снял полушубок и расстелил на снегу. Один из пришедших с ним мужчин начал спускаться, другой остался наверху.

— Павел, подожди. Дай с этой стороны возьму.

Анна наклонилась над лицом сына. Шапка сползла, открыв ухо, и она натянула отворот, убрала снег из волос. Старик помнил, как боялся сам коснуться этой шапки. У Анны руки двигались уверенно. Она знала, где поправить, как подоткнуть, и, когда Павел завёл ладонь под голову мальчика, придержала её, показывая, куда удобнее.

Мужчины подняли тело. Из-под него отделился смерзшийся ком снега; Анна потянулась стряхнуть его с одежды, но соседка удержала её за руку. Она вырвалась и сама закрыла сына полой полушубка.

— Лицо оставь, — сказал Павел.

Анна отогнула воротник.

Больше они ничего не говорили. Отец поднялся, прижав сына к груди. На склоне его нога соскользнула, и Егор Ильич шагнул вперёд, но мужчина внизу уже подставил плечо. Вместе они выбрались на дорогу.

Старик потянул верёвку на возу.

— Сено сброшу. На мешок положим, я довезу.

Павел прошёл мимо. Смотрел перед собой, на снег, и держал сына так, что не видно было ни порванной одежды, ни голой руки. Только красная шапка выглядывала из полушубка у его локтя.

Анна поднялась следом. Теперь, на ровной дороге, она вдруг остановилась. Соседка обняла её за плечи, повела, но Анна не пошла. Из горла у неё вырвался короткий звук; она зажала рот ладонью, согнулась и стала раскачиваться, упираясь другой рукой в колено.

Павел обернулся. Постоял, ожидая, пока соседка поднимет жену. Сам подойти не мог — держал мальчика.

Егор Ильич отпустил верёвку.

Они двинулись к домам. Анна шла рядом с мужем, цепляясь за его рубаху под локтем. Мужчина, помогавший внизу, держался с другой стороны; когда дорога стала подниматься,

подхватил край полушубка у ног. У крайнего двора женщина с вёдрами отступила к забору и сняла с плеча коромысло.

Прохор всё ещё стоял возле лошади. В руках у него была забытая кем-то рукавица, и он перекладывал её с ладони на ладонь.

— Чего теперь, Ильич?

— В контору ступай. Пусть в район сообщат.

Прохор посмотрел вслед Павлу.

— Одного его не оставят?

— Люди с ним. Иди.

Третий мужчина задержался на дороге, ожидая Прохора. Они переговорили и вместе пошли к деревне. Егор Ильич остался у воза. Лошадь потянулась к сену, стала выдёргивать стебли из-под ослабленной перевязи. Он собрал вожжи, но садиться не стал.

В ложбине лежали вытоптанный снег, примятая вата и тёмный след там, где ещё недавно был мальчик. Лыжа торчала из надува. Старик хотел спуститься за ней: нехорошо оставлять, Павлу надо будет отдать. Потом вспомнил ямки от лап и остановился.

Он отошёл от края. До сих пор рука, которой касался Мишиного лба, казалась чужой. Егор Ильич снял рукавицу, посмотрел на ладонь и снова спрятал её от холода.

Со стороны фермы шла женщина. Та самая, что просила предупредить о задержке. Вёдер у неё уже не было, руки она держала под фартуком. Поравнявшись с санями, заглянула старику в лицо и остановилась.

— Что там случилось? Народ бежит.

Егор Ильич набрал воздуха, но ответить сразу не смог. Женщина перевела взгляд на склон. Он протянул руку поперёк дороги, не пуская её ближе.

— Мишу нашли, — сказал он наконец. — Павел домой понёс.

Она осталась стоять рядом. На ферме ударили чем-то железным, в одном из дворов протяжно замычала корова. Деревня уже поднялась, и по дороге от домов шли новые люди.

Глава 3. Следователь

6 декабря 1957 года. Кедровый Притёс и Качуг.

Волк вышел к деревне с нижнего конца лога, где старые лиственницы уступали место берёзовому молодняку. Здесь снег лежал глубоко, и под ним ещё угадывалось русло ручья. В низине было тише, чем наверху. Ветер проходил над деревьями, шевелил сухие вершины, а у самой земли воздух оставался почти неподвижным.

Возле поваленной берёзы он остановился. Впереди пахло жильём: дымом, навозом, прелой соломой, собаками. Сквозь эти запахи пробивался тёплый запах скотины.

За ночь волк прошёл лесом от другой деревни, почти не останавливаясь. Теперь он задержался у крайних огородов.

На дальних покосах ему уже случалось находить возле построек замёрзшие обрезки и требуху. Он подходил к ним по темноте, долго стоял под ветром, прежде чем выйти на открытое место. Здесь человеческий запах был свежим. Волк втянул его, отступил за берёзу и некоторое время прислушивался. Ни голосов, ни шагов не было.

Он двигался вдоль огородов, держась под прикрытием изгородей и кустарника. За последним огородом стоял длинный сарай с просевшей крышей. Возле него была сложена поленница, а дальше начинался огороженный двор. Оттуда пахло коровой.

Там, где нижняя жердь отошла от столба, волк протиснулся в ограду. Запах вёл к двери хлева. Он ткнулся носом в щель; за досками тяжело переступила корова.

Волк отпрянул, затем подошёл снова. Провёл мордой вдоль нижнего края двери, скрёб снег у порога. Изнутри донеслось сопение. Он обошёл хлев; под маленьким окном намело сугроб, но и там запах шёл сквозь сплошные доски.

За поленницей ветер почти не чувствовался. Волк лёг и повернул голову к двери хлева.

⁂

Мария Степановна Климова проснулась ещё в темноте. В доме было тепло, но у окна за ночь намерзла широкая белая полоса. Она осторожно выбралась из-под одеяла, пошевелила угли в печи, поставила на плиту воду и стала одеваться.

Письмо от Николая лежало на кухонной полке под сахарницей. Сын учился на шофёра в Качуге, просил денег на сапоги; Мария собиралась сегодня пересчитать, сколько останется до получки. Она сняла с верёвки Лидины чулки, ещё сыроватые на пятках, и перевесила поближе к печи. Потом нашла под лавкой второй валенок.

— Маш, — сонно позвал Пётр.

— Чего?

— Куда собралась?

— Корову доить.

— Рано ещё.

— Ей-то какая разница.

— Я бы воды принёс.

— Спи. Вода с вечера стоит.

Мария надела телогрейку, повязала поверх платка шерстяную косынку и взяла подойник. Во дворе мороз щипнул лицо. Она прошла к хлеву, отодвинула засов и вошла.

Корова встретила её недовольным мычанием.

— Зорька, Зорька, — сказала Мария. — Чего расшумелась?

Она положила корове сена, обмыла вымя принесённой тёплой водой и села на низкую скамеечку. Первые струи звонко ударили о дно подойника. На сапоги Николаю, пожалуй, придётся послать всё, что отложили: в худых он там ноги поморозит.

Зорька вдруг перестала жевать. Она смотрела на дверь, раздувая ноздри.

— Чего там? — спросила Мария.

За стеной было тихо. Женщина закончила дойку, взяла ведро и вышла. Она плотно притворила тяжёлую створку, опустила железный засов и проверила его рукой.

До дома оставалось пройти через двор.

⁂

Скрипнула дверь. Волк поднял голову. Человек вышел из хлева, повернулся к стене; звякнуло железо. Теперь между ним и поленницей ничто не стояло. От ведра тянуло тёплым молоком.

Волк встал. Щепка хрустнула под передней лапой.

— Кто там?

Человек повернулся на звук и замер. Волк остановился тоже. Над оградой прошёл порыв ветра, донёс запах дыма; под телогрейкой шуршала ткань. Лицо человека было обращено прямо к нему.

Волк держал голову низко. Один шаг вперёд — и человек попятился. Ведро качнулось, на снег упало несколько капель.

— Пошёл… — сказала она.

Голос заставил волка остановиться. Человек поднял ведро и крикнул громче:

— А ну, прочь!

Волк подался в сторону. Ведро оставалось поднятым. Человек отступил ещё на шаг, затем повернулся и побежал к дому. Волк бросился следом.

У крыльца он настиг бегущего.

Он ударил женщину грудью в бедро; она упала на колено. Ведро с грохотом отлетело к ограде. Волк отскочил от звука и сразу схватил поднятую руку. Под зубами затрещала плотная ткань.

— Петя!

Свободная рука ударила его по носу. Он мотнул головой, отпустил ткань и сомкнул челюсти выше. Человек повалился на спину. Под ногами взлетел снег; пятка задела волка по груди.

Он потянул, упираясь передними лапами. Рукав затрещал и разошёлся под зубами. Человек перевернулся и пополз к ступеням, оставляя на снегу тёмную полосу. Волк выпустил обрывок ткани и двинулся следом.

Пальцы вцепились в край ступени. Волк схватил плечо и рванул назад; тело развернулось, открывая шею. Он перехватил добычу и прижал её к снегу. Руки ещё толкали его в морду, цеплялись за шерсть. Он не разжимал челюстей, пока сопротивление не прекратилось.

За закрытой дверью сеней ничего не слышалось. Волк обнюхал добычу, ухватил за плечо и оттащил к поленнице. Ткань мешала добраться до мяса. Он разорвал её и начал есть, прерываясь всякий раз, когда в доме что-нибудь потрескивало.

Из дома донёсся скрип кровати.

— Маша?

Волк поднял голову. За стеной послышались шаги.

— Маш!

Волк отступил, повернулся к пролому в изгороди и ушёл за сарай прежде, чем открылась дверь дома.

⁂

Пётр спал в дальней комнате, за печью. Сквозь сон ему послышался окрик; он приподнялся, прислушался и снова лёг. Теперь, стоя на кухне, он уже понимал, что звали со двора. Печь ещё теплилась, на плите шумела вода. Он накинул полушубок, сунул ноги в валенки и вышел на крыльцо. Возле ограды лежал подойник. Разлитое молоко уже схватывалось коркой.

— Маша?

Он увидел валенок. Потом тёмную полосу, уходившую к поленнице. За дровами лежала рука с растопыренными пальцами.

Пётр бросился туда.

Жену он узнал по телогрейке и старой косынке, которую сам привёз ей из Качуга. Она лежала на боку, лицом к земле. Он опустился рядом, осторожно повернул её и замер.

Ворот был залит кровью, телогрейка разорвана у плеча. Пётр придерживал голову жены ладонью, не решаясь положить её обратно на снег.

— Машка…

Он приложил ладонь к её щеке, попытался найти пульс, но пальцы дрожали и скользили по крови.

— Машенька… Ну что же это…

На её пальцах были царапины, под сломанным ногтем застряла тёмная шерсть. Пётр потянулся снять её, но рука не слушалась. От крыльца к поленнице тянулась борозда, а возле ступени лежал Машин валенок. Из хлева донеслось мычание. Засов был опущен.

Пётр попробовал поднять её, подложил руки под спину, но голова бессильно откинулась, и он осторожно опустил тело. Потом снял полушубок и накрыл Машу, прикрыв и лицо.

— Папа? — послышалось с крыльца.

Там стояла двенадцатилетняя Лида, в ночной рубашке и материнской кофте.

— Иди в дом, — сказал Пётр.

— А мама?

Он заслонил ей двор.

— Не смотри, доченька. Вернись в дом.

Он проводил её в сени, закрыл дверь и вышел к передним воротам. Отсюда был виден двор Тарасовых. Пётр позвал Василия, сперва тихо, потом так, что у соседей распахнулась форточка.

⁂

Василий Тарасов пришёл с двустволкой, не застегнув тулуп. Его жена Дарья увела Лиду к себе через улицу; Василий подождал у ворот, пока они войдут в дом. За ним у калитки собрались ещё двое соседей; он попросил их подождать и прошёл к поленнице по следам Петра. Приподнял полушубок и снова прикрыл Марию Степановну. Потом осмотрел снег у сарая. Под отошедшей жердью ограды виднелись отпечатки лап; на древесине зацепилось несколько волосков. Тарасов присел, поднёс ладонь к одному следу, не касаясь снега.

— Волк, — сказал он Петру.

— Во дворе?

— Похоже.

— Насколько большой?

— Не знаю, Петя. Такого следа я ещё не встречал.

— Дождёмся людей из района, — попросил Тарасов. — Им надо увидеть, как она лежала.

Пётр посмотрел на него с таким недоумением, что сосед опустил глаза.

— Я покажу им место, — сказал Тарасов. — Всё расскажу.

Пётр наклонился и поднял жену на руки.

— Помоги дверь открыть, — сказал он.

⁂

В Качуге следователь районной прокуратуры Алексей Михайлович Корнеев пришёл на работу без четверти девять. В кабинете за ночь выстыло; он оставил пальто на плечах и придвинул к себе папку. Второй год после института он начинал утро за этим столом, у которого один ящик приходилось подпирать коленом, чтобы повернулся ключ.

В папке было всего несколько листов о гибели девятилетнего Михаила Серова в Тихой Затеси. Мальчика обнаружили в логу, на теле были многочисленные повреждения. Участковый сообщал о следах крупного зверя, но их размеры и направление не указал.

Телефонограмму приняли накануне. К вечеру машину так и не дали, врач был на выезде, а ночью дорогу занесло. Корнеев ещё раз прочёл строчку о следах. За время ожидания их могло засыпать; теперь пришлось бы расспрашивать участкового, что именно тот видел и почему решил, что это волк.

Он составил короткий список: родители, товарищи мальчика, старик, нашедший тело, участники поисков. Против фамилии участкового оставил место для вопросов.

В кабинет вошёл районный прокурор Николай Андреевич Журавлёв.

— Собрался?

— Почти.

— Машину к десяти обещали. С родителями осторожнее. Единственный сын.

Журавлёв снял трубку, чтобы узнать насчёт врача, но в коридоре уже звонил другой телефон. Секретарь переспрашивала название деревни, затем позвала прокурора. Вернувшись, тот остался стоять у стола.

— Ещё одна смерть. Кедровый Притёс. Женщина. Климова Мария Степановна. Муж обнаружил сегодня утром. Сосед-охотник считает, что её загрыз волк.

Корнеев подошёл к карте.

— Между деревнями двенадцать километров, — сказал прокурор.

— Муж видел зверя?

— Нет.

— Тогда сначала поедем в Кедровый Притёс. Там следы свежее.

⁂

Машину подали лишь к полудню. За рулём ГАЗ-69 сидел шофёр Фролов; рядом с Корнеевым устроился врач районной больницы Виктор Павлович Самойлов, зажав между коленями сумку. В глубокой колее их бросало друг на друга. Корнеев пытался читать телефонограмму, затем сложил её и убрал в папку.

— Медвежьи раны я видел, — сказал Самойлов. — А чтобы волк взрослого человека насмерть — не припомню.

— Может, бешеный? — спросил Корнеев.

— Пока не знаю, — ответил Самойлов. — Сначала посмотрим женщину.

В Кедровый Притёс въехали уже после полудня. У сельсовета их ждал участковый Доронин. Он сел к шофёру и показал дорогу к дому Климовых. Возле крыльца снег был истоптан, подойник стоял у стены. На месте разлитого молока застыла белая корка.

У калитки Доронин попросил собравшихся разойтись. У сарая остался один из соседей: участковый велел ему никого не пускать к ручью. Там снег ещё не затоптали. Корнеев спросил, кто с утра заходил во двор, и попросил записать имена. При взгляде на ведро Доронин помедлил: его переставили, пока он ездил за председателем.

— Кто ведро переставил? — спросил Корнеев.

— Не знаю.

— Узнайте.

Корнеев пригласил двух соседей, ожидавших у калитки, пройти с ним. Записав их фамилии, попросил держаться уже протоптанной дорожки. Начал с ограды, затем нанёс на схему дом, хлев, крыльцо и поленницу. Тарасов показал место, где лежала Мария. Корнеев отметил: тело перенесено мужем до его приезда.

Под жердью нашлось несколько отчётливых отпечатков. Корнеев положил рядом с одним складную линейку, измерил длину без когтей, затем ширину. Цифры записал возле рисунка лапы.

— Четырнадцать сантиметров и три миллиметра. Без когтей.

— Большой, — сказал Тарасов. — Я за тридцать лет такого не видел.

— След мог увеличиться при оттепели?

— Мог бы. Только мороз стоял, а края вон какие острые.

На жерди остались тёмные волоски. Корнеев развернул под ними лист чистой бумаги и достал перочинный нож.

— За щепку держатся, — сказал Тарасов. — С ней и срежьте.

Корнеев отделил щепку, завернул в бумагу и надписал, где её взял. Затем показал свёрток соседям и убрал отдельно от остальных вещей.

У ручья он остановился. На схеме оставалась незаконченной линия от пролома к берегу.

— Отсюда пришёл? — спросил он. Тарасов присел возле дорожки и показал, куда обращены отпечатки пальцев.

— Здесь он уходил.

Корнеев отметил направление стрелкой.

У порога хлева снег был взрыт. Засов ходил свободно, на двери виднелись неглубокие царапины. Корова стояла у кормушки. Корнеев заглянул внутрь и прикрыл дверь.

— Тут скрёбся, — сказал Тарасов, показывая на нижнюю доску.

— Хозяина спросим, были ли эти царапины раньше, — ответил Корнеев.

⁂

Пётр сидел за кухонным столом перед чашкой остывшего чая.

— Во сколько жена вышла? — спросил Корнеев.

— Часов в шесть. Может, позже.

— Вы разговаривали?

— Я сказал, рано ещё. Она ответила, что корова ждать не станет.

— Что вас разбудило?

— Крик. Она меня звала. «Петя» кричала.

Он сжал руки.

— Она меня звала, а я лежал.

— Когда вышли, зверя видели?

— Нет. Никого не видел. Только Машу.

Он отвернулся к окну.

— Мы двадцать три года вместе прожили. Она утром встала, корову подоила. А я даже не вышел посмотреть, что там шумит.

— После крика сколько прошло до того, как вы вышли? — спросил Корнеев.

Пётр покачал головой.

— Не считал. Встал, валенки надел, к окну подошёл. Я сперва подумал, сон.

— Когда увидели жену, где она лежала?

Пётр ответил не сразу. Потом указал рукой направление от крыльца. Корнеев развернул схему и попросил показать место. Пётр нашёл его с неожиданной точностью:

— Вот здесь, у торца дров. Я её сам в дом принёс.

— Покажите ещё, как она лежала, прежде чем вы её повернули.

Пётр провёл пальцем по схеме и отнял руку. Корнеев сделал запись, подождал. Пётр смотрел на карандаш.

— А если бы я вышел раньше?

— Этого никто не знает, — ответил следователь.

⁂

Самойлов осматривал тело в комнате; Корнеев записывал его слова. Дверь на кухню прикрыли. Врач указал повреждения руки, плеча и шеи, затем попросил следователя подойти ближе и негромко объяснил, какие участки были объедены.

— Укусы глубокие, — сказал Самойлов. — И кровопотеря большая. Но заключение дам после вскрытия.

Закончив запись, Корнеев вышел на кухню. У зеркала лежала стопка школьных тетрадей. Он объяснил Петру, что тело придётся отправить в районную больницу, и дождался, пока тот поднимет голову. Пётр спросил только, когда можно будет забрать Машу.

⁂

Волк лежал под вывороченными корнями сосны на лесистом увале выше деревни. Здесь не доставал ветер, и снег у основания дерева оставался рыхлым. Он спал короткими промежутками, поднимая голову при каждом далёком звуке. Когда внизу прогудела машина, волк повернул уши к дороге и дождался, пока шум стихнет.

На шерсти возле пасти засохла кровь. Волк поднялся и потянулся, далеко выставив передние лапы. Снизу по-прежнему тянуло дымом и скотиной. Он спустился к ручью, попил там, где вода обтекала корягу, и перешёл на другой берег.

На подъёме волк остановился, повернув уши к деревне. Снизу больше ничего не доносилось. Он поднялся на увал и пошёл между соснами. К сумеркам поднялась позёмка.

⁂

К вечеру Корнеев сверил показания Петра и Тарасова со схемой. Оставались неопрошенные соседи, требовалась машина для перевозки тела. Он договорился об этом с Дорониным и ещё раз попросил не пускать людей к следам у ручья. В свете уходящего дня отпечатки уже казались менее отчётливыми.

— В Тихую Затесь теперь? — спросил Фролов, когда следователь подошёл к машине.

— Да. Только сначала в сельсовет: передадим сообщение в район.

Когда они выезжали из деревни, Корнеев увидел возле крайнего дома девочку в большом чужом тулупе. Пожилая женщина держала её за руку. Девочка не махала машине и не отворачивалась. Она смотрела вслед, пока дорога не скрылась за поворотом.

Под плафоном в машине Корнеев раскрыл сообщение о смерти Миши Серова. Ни размеров следов, ни рисунка. Он прижал лист к папке и записал: «Кто видел следы до снегопада? Где именно? Опросить по отдельности».

Фролов спросил, у какого дома остановиться в Тихой Затеси. Корнеев назвал фамилию Серовых. До деревни оставалось двенадцать километров; он убрал карандаш и попросил шофёра прибавить, если дорога позволит.

Глава 4. Обратный след

6—7 декабря 1957 года. Тихая Затесь.

У первого дома Фролов остановил машину и опустил стекло. На стук мотора из ворот выглянул мужчина с охапкой дров; услышав фамилию Серовых, он поставил поленья в снег и подошёл ближе.

— До колодца, потом налево. Там увидите.

Он смотрел на сумку у Самойлова на коленях. Корнеев уже собрался поблагодарить, когда мужчина спросил:

— В Притёсе-то правда?

— Что вам сказали?

— Бабу загрызло. Прямо во дворе.

Корнеев ответил, что женщина погибла, и попросил после темноты детей одних не отпускать. Мужчина кивнул, но от окна не отошёл.

— У нас ведь тоже двор. У всех тут дворы.

Фролов ждал. Корнееву нечего было добавить, и он показал на улицу: поехали.

За колодцем свет горел сразу в нескольких окнах. Возле калитки Серовых стояли сани; мужчина в полушубке поправлял на них верёвку, другой держал лошадь. Сани были пусты; возле ворот, в рассыпанных стружках, лежала свежая доска. Мужчина отодвинул её ногой, освобождая проход, и снял шапку, когда Корнеев подошёл к калитке.

Павел Серов открыл им дверь. На нём была рубаха с закатанными рукавами, в волосах белели опилки.

— Из района, — сказал Корнеев, представляясь. — С нами врач.

Павел пропустил их и остался в сенях, пока они раздевались. Самойлову помог снять пальто. Следователя спросил:

— Вам стол нужен?

— Потом. Сначала скажите, где мальчик.

— В горнице. Мы там не топим.

В избе сидели две женщины. Одна поднялась и пошла к печи, другая не двигалась. На столе перед ней лежала тёмно-красная шапка с серым отворотом; женщина держала её обеими руками, будто собиралась кому-то надеть. Корнеев назвал себя ещё раз. Она посмотрела на него, затем на врача.

Самойлов подошёл к ней первым.

— Анна, мне надо Мишу осмотреть.

Она прижала шапку к коленям.

— Я с вами.

— Побудьте здесь. Если понадобится, я позову.

Анна поднялась всё-таки. Павел взял её под локоть, и она осталась стоять возле стола, пока врач открывал дверь в горницу.

Там пахло сырым деревом и холодной одеждой. У окна стояла узкая кровать, отодвинутая от стены. На стуле лежали полотенце и один валенок. Корнеев прикрыл за собой дверь.

Самойлов поставил лампу так, чтобы свет падал на кровать, и отогнул простыню.

Из-под простыни показалась рука мальчика. Манжета куртки была расстёгнута, на большом пальце виднелся старый след чернил. Самойлов передвинул лампу, и Корнеев посторонился, освобождая ему место возле кровати.

Корнеев открыл блокнот.

Врач работал медленно. Просил повернуть свет, придержать край одежды, повторял для записи только то, что можно было установить сейчас. Повреждения шеи; разрывы куртки;

следы зубов. Когда он дошёл до раны на боку, Корнеев опустил глаза к бумаге. На предыдущей странице под записью об осмотре Марии Климовой осталась свободная строка. Он перевернул лист.

— Здесь тоже кормился? — спросил он тихо.

— Часть тканей утрачена. Это отмечаем. Остальное — после вскрытия.

— С женщиной похоже?

Самойлов накрыл мальчика до плеч.

— Зверь мог быть тот же. А мог другой. По этим повреждениям я тебе этого не скажу.

Он впервые за день обратился к Корнееву на «ты». Потом поправил простыню и попросил позвать отца: нужно было выяснить, кто снимал одежду и обмывали ли тело.

Павел отвечал в дверях. Куртку расстегнули дома. Лицо Анна вытерла, руки тоже. Остального не трогали. Второй валенок принесли позднее, он в сенях, сушится.

— Не сушите больше, — сказал Корнеев. — Одежду пока оставьте как есть.

Павел посмотрел на кровать.

— А хоронить когда?

Самойлов объяснил про перевозку в районную больницу. Отец слушал, не перебивая. Потом сказал, что доски уже привезли, и вышел.

⁂

Стол освободили от чашек. Соседка увела Анну за перегородку; её шаги стихли, но Корнеев видел под занавеской край юбки. Павел сел напротив, положил ладони на колени. На правой руке у основания большого пальца темнел свежий порез.

— Расскажите, как начали искать.

— Сперва к Гришке пошёл. Они вместе катались.

— Фамилия?

— Лаптев. Потом к Витьке Зубову. У них ужинали уже.

Корнеев записал имена. Павел говорил охотно, подробно, всякий раз возвращаясь к тому, сколько ещё оставалось света. Когда пошёл к Лаптевым, у них во дворе различал и забор, и поленницу. От Зубовых выходил — пришлось зажечь фонарь. До своего дома не добежал, свернул сразу к колодцу: там встретился с соседом, и они решили сперва проверить дорогу от развилки.

— Ребята сказали, Миша домой пошёл?

— Сказали.

— Видели, как дошёл до вашей улицы?

Павел поднял голову.

— До улицы? Нет. Они у развилки разошлись. Ему прямо, им налево.

Он провёл пальцем по столу, показывая дорогу. Корнеев подвинул лист. На нём постепенно появились колодец, два поворота, дома Лаптевых и Зубовых. Павел несколько раз поправлял расстояния: здесь ближе, здесь забор не доходит, между дворами проход.

Сначала искали в деревне. Стучали к родственникам, заглянули в пустую баню у речки. Потом разделились: двое пошли вдоль берега, Павел с соседом — к горке.

— К той, где катались?

— К ней. Может, лыжу сломал. Может, ногу подвернул.

— Поднимались наверх?

— И наверх, и вниз. Всю её исходили. Потом по дороге к ферме.

Корнеев отодвинул схему.

— Мимо места, где утром нашли Мишу?

Павел долго смотрел на бумагу. Потом ткнул в неё ногтем.

— Мы здесь шли.

В комнате за перегородкой скрипнула половица.

— Останавливались?

— Звали. Прохор фонарём светил. Там обрывчик, под ним кусты. Ничего не видно было.

— Вниз спускались?

— Нет.

Корнеев помедлил с записью.

— Кто был с вами?

— Прохор. Из крайнего дома. Он и утром там был.

— Что-нибудь слышали внизу?

— Ветки трещали. Мы постояли, ещё покричали. Я к самому краю подошёл. Прохор сказал: собака.

— Вы видели собаку?

— Я нет. Он будто видел. Спросите у него.

Павел наклонился над столом, заставив Корнеева отодвинуть локоть.

— Мы ведь звали. Громко звали. Если бы он живой…

За занавеской Анна произнёсла:

— Павел.

Он замолчал.

Корнеев не закончил начатую строку. По этому рассказу нельзя было узнать ни когда умер мальчик, ни что двигалось в кустах. Он записал имя Прохора отдельно и перевёл разговор на лыжи.

Одну принесли от лога, вторая нашлась ниже, почти у самого русла. Теперь обе стояли в сенях. Павел хотел сходить за ними, но следователь попросил пока ничего не переносить.

Когда они закончили, отец снова вернулся к карте.

— У фермы мы тоже спрашивали. Не только мимо прошли.

— Я записал.

— Сторож видел нас. Вы у него спросите.

— Спрошу.

Павел прочёл свои показания, придерживая лист за угол. Подписывал долго, неудобно сжав карандаш над порезом.

⁂

На ночлег их устроили в конторе. Фролов с местным конюхом занялся машиной, Самойлов поехал к фельдшеру договариваться о перевозке тела. Корнеев остался у стола, на котором под стеклом лежал прошлогодний календарь. Сторож протёр стол мокрой тряпкой, и в трещину стекла затекла вода. Край календаря потемнел.

Егор Ильич пришёл с Прохором, соседом Серовых. Корнеев записал его фамилию — Кудрин. Старик сел ближе к печке, положил шапку на колени. Прохор остался у двери.

Корнеев сначала расспросил Егора Ильича. Лошадь остановилась перед поворотом. Сверху была видна лыжа; шапку он заметил потом. До прихода родителей тело не переворачивал. Вниз первым после него спускался Прохор.

— Следов там много было? — спросил Корнеев.

— Тогда немного. Я свои различал. А после люди пошли.

— От лап что-нибудь запомнили?

— Ямки большие. По краю полосы, где снег смят. Только мерить я их не стал, сам понимаешь.

— Завтра покажете, где стояли?

— Покажу.

Корнеев отпустил старика. Прохор проводил его взглядом и только тогда сел. От его телогрейки пахло конюшней.

В первую ночь они с Павлом прошли по дороге к ферме. Фонарь был один. У поворота услышали шорох внизу, и Прохор поднял свет над головой. В кустах что-то двинулось.

— Вы сказали Павлу, что собака?

— Ну, а кто? Я тогда про волка и не думал.

— Что именно увидели?

— Спину, может. Тёмное. Метнулось — и нету. Фонарь слепит больше, чем светит, если перед лицом держать.

— В какую сторону?

Прохор показал, потом опустил руку.

— Там лучше покажу. От дороги вниз.

— Крупное животное?

— Не скажу. Вы только не пишите, будто я волка видел.

— Не буду.

Прохор расстегнул верхнюю пуговицу телогрейки.

— Я и утром туда спустился, когда Ильич позвал. А ночной шорох вспомнил уже дома. Павлу хотел сказать… Да что ему скажешь?

Корнеев записал его слова. Нельзя было установить, ушёл ли от мальчика именно волк, но место и направление совпадали с рассказом Егора Ильича. Внизу находилась добыча, рядом появились люди с фонарём. Такое объяснение он мог проверить утром.

После Прохора пришла мать Гриши Лаптева. Корнеев просил привести сына, но она явилась одна, прижимая к груди концы платка.

— Он с тех пор почти не спит. Всё спрашивает, не за ним ли придут.

— Скажите ему, что я хочу узнать про Мишу. Не про его вину.

— Я говорю. А он не верит.

Корнеев убрал со стола телефонограмму.

— Пойдёмте к вам.

У Лаптевых Гриша сидел на табуретке возле печи. На полу перед ним лежали лыжные палки; он вынимал из одного кольца намёрзший снег и складывал мокрые крошки на газету. Мать потянулась убрать палки, но Корнеев попросил оставить.

Он сел рядом, не за стол. Спросил, кто дальше всех съехал с горки. Гриша назвал Витьку. Потом, подумав, сказал, что у Витьки лыжи длиннее.

Рассказывал он тихо. Сначала всё время смотрел на мать, но, когда дошёл до спуска за берёзой, оживился и показал рукой, как Миша съехал боком. После падения у него выскочила нога из крепления. Они с Гришей подтягивали ремень возле старого пня.

— А потом?

— Потом ещё катались. Только он без рукавицы полез, руки замёрзли. Сказал, хватит уже.

— Кто предложил домой идти?

— Витька. Миша ещё рукав поднимал, посмотреть хотел, сколько времени.

Корнеев поднял глаза.

— Где посмотрел?

Гриша перестал ковырять кольцо.

— На часах, наверно.

— У него были часы?

Мать сделала шаг от печи.

— Какие ещё часы?

Мальчик сжал палку обеими руками.

— На руке. Он показывал.

Корнеев повернулся к женщине.

— Дайте ему рассказать.

Часы были круглые, на коричневом ремешке. Миша вытащил их из-под рукава ещё на горке и дал послушать, как идут. Гриша держать не стал: Миша предупредил, что они отцовские и ронять нельзя.

— Когда последний раз их видел?

— У пня.

— А когда домой пошли?

Гриша нахмурился.

— Он рукав поднимал. Только я не видел, были там или нет.

— Про часы что-нибудь говорил?

— Нет.

— У развилки вы долго стояли?

— Не стояли. Мы налево, он прямо. Я ещё крикнул, чтоб завтра лыжи принёс.

— Он ответил?

— Сказал: ладно.

Корнеев попросил мать утром проводить сына к горке. Ненадолго, только показать, где катались и поправляли крепление. Гриша спросил, будут ли там искать Мишину рукавицу.

— Посмотрим всё, что осталось.

Уже в дверях мальчик окликнул его:

— Я бы его проводил. Если бы знал.

Корнеев вернулся к табуретке.

— Ты тогда чего-нибудь испугался? Видел кого-нибудь?

— Нет.

— Значит, и знать не мог.

Мать отвела глаза. Корнеев попрощался с ней и пошёл к Зубовым.

Витька оказался старше и говорил увереннее. Часы помнил, но в руках не держал; видел их у Миши на запястье, когда тот стягивал рукавицу возле пня. На развилке не оборачивался. Ничего про возвращение к горке Миша ему не сказал.

К Серовым Корнеев зашёл перед тем, как возвращаться в контору. Павел впустил его без вопроса, будто ждал.

— У вас есть наручные часы?

— Есть.

— Миша мог взять их позавчера?

Отец посмотрел в сторону горницы, затем подошёл к шкафу. С верхней полки снял небольшую деревянную коробку. Внутри лежала сложенная тряпица; он развернул её и остался держать на ладони.

— Здесь были.

— Когда проверяли последний раз?

— Давно. Я не ношу.

— Опишите их.

Павел назвал цвет циферблата, вспомнил трещинку на стекле возле ободка. На задней крышке была наградная надпись с его фамилией. Часы дали на войне.

— Нашли? — спросил он.

— Пока нет. Ребята видели их у Миши.

Павел положил тряпицу в коробку, но крышку не закрыл.

— Ремень старый. Я его ещё летом сменить хотел.

⁂

Утром дорога к ферме была уже наезжена. Полозья срезали выпуклые края вчерашних следов, лошади разбили снег у поворота. Ниже обочины, куда не доходили сани, лежала тонкая свежая пороша.

Егор Ильич показал столб, к которому привязывал лошадь, затем спустился к ивам. Корнеев шёл за ним, стараясь попадать в его след. Наверху остались Прохор и ещё один мужчина, пришедший по просьбе следователя.

— Здесь шапку увидел, — сказал старик. — А отсюда уже его самого.

Вата ещё держалась на нижней ветке. Под кустом темнел снег: за ночь его не припорошило. Корнеев остановил старика, сделал запись, измерил расстояние до дороги. Когда выпрямился, увидел Прохора наверху: обочина скрывала его по пояс. С другой стороны дороги лежавшего под кустами мальчика нельзя было заметить.

Он поднялся и попросил Прохора встать там, где тот держал фонарь.

Мужчина выбрал место не сразу. Прошёл несколько шагов в сторону фермы, вернулся.

— Вот тут, кажется. Павел правее был.

— Куда ушло то, что вы видели?

— Туда. Вниз по ложбине.

Под ивами ещё можно было различить несколько углублений. Корнеев позвал обоих мужчин спуститься, обошёл куст со стороны ручья. Один отпечаток сохранил передний край и две узкие отметины когтей; задняя часть была сбита человеческим каблуком. Чуть дальше виднелась вытянутая ямка, полузасыпанная снегом.

Он приложил линейку, но записывать полную длину не стал. Для этого пришлось бы самому выбирать, где кончался след.

— Такой же, как в Притёсе? — спросил Прохор.

— Здесь целого нет.

— А по этому не определить?

Корнеев показал на срезанный каблуком край.

— Можно лишние сантиметры намерить. Или недосчитать.

Он зарисовал то, что осталось. За кустами дорожка уходила к руслу, но ниже её пересекали следы сапог и валенок. Кто прошёл раньше, кто позже, после пороши разобрать уже не удавалось.

Прохор стоял возле места, где лежал мальчик. Повернул голову к дороге, отмерил взглядом склон и перестал задавать вопросы.

Корнеев сложил линейку. Пока он мог записать только следующее: возле тела были отпечатки крупного зверя; в ночь поисков люди подошли близко и услышали движение в кустах. Шорох мог означать, что они спугнули хищника от добычи. Время смерти из этого не следовало.

— Здесь всё? — спросил Егор Ильич.

— Теперь на горку. С другой стороны.

Гриша ждал возле своей матери, держа лыжи под мышкой. Корнеев попросил прийти без них, но мальчик сказал, что так покажет точнее, и следователь не стал спорить.

На пологом склоне снег был весь в длинных желобах. Одни шли прямо вниз, другие сходились у берёзы. Наверху чернел старый пень, вокруг него торчали короткие обломки ветвей. Гриша поднялся первым и поставил лыжи туда, где они лежали в тот день.

— Вот он сидел. А я здесь ремень держал.

Корнеев присел.

Возле пня снег был утоптан в твёрдую площадку. Часы могли остаться здесь, на склоне, на дороге — в любом месте, где мальчик снимал рукавицу или поправлял рукав. Начать можно было с этого небольшого круга, о котором оба приятеля рассказали одинаково.

Он попросил Гришу отойти к матери. Прохору дал осмотреть край площадки, сам начал с углубления между пнём и выступавшим корнем. Снимал рыхлый снег понемногу, ладонью в перчатке, ссыпал на чистый лист плотной бумаги. Под порошей обнаружились щепки, почерневший лист, обломок спички.

Гриша стоял тихо. Потом сказал, что с этой стороны Миша уронил рукавицу и долго её вытряхивал.

Корнеев уже собирался перейти к другому корню, когда перчатка зацепила что-то гибкое. Из снега показался короткий коричневый ремешок.

— Не подходите пока.

Он расчистил вокруг него. Часы лежали боком в узкой впадине, стеклом к пню. Между корпусом и корой набился снег. Корнеев поднёс бумагу снизу и осторожно высвободил находку.

Стрелки не двигались. На ремешке возле крепления был разрыв.

Гриша потянулся посмотреть, но мать удержала его за плечо.

— Они? — спросил Корнеев, повернув циферблат к мальчику.

— Похожи.

Корнеев не стал добиваться другого ответа. Попросил мужчин запомнить место, измерил расстояние от пня, сделал рисунок. Лишь после этого перевернул часы. Под тонкой корочкой льда на крышке проступали буквы. Разбирать их на морозе он не стал.

По дороге обратно Гриша нёс лыжи уже за носки, волоча пятки по снегу. У развилки остановился сам.

— Здесь мы ушли.

Корнеев посмотрел в сторону Серовых. Отсюда до их улицы было недалеко. За спиной оставалась горка.

Он попросил мальчика показать всё ещё раз: где стоял Витька, где сам Гриша, в какую сторону смотрел Миша. Ничего нового в рассказе не появилось. Приятели повернули и пошли домой; Миша ответил им, но дальше за ним никто не наблюдал.

Следователь мог предположить, что мальчик хватился часов здесь или чуть позднее. Вернулся к горке, стал искать. Если потом спустился с горки к санной дороге, домой ему пришлось бы идти вдоль лога. Это был обход, зато по ровному: в темноте на лыжах легче, чем между кустами на склоне. Но никто не видел этого возвращения, а лыжня давно смешалась с другими. На схеме Корнеев отметил предполагаемый путь пунктиром.

⁂

Когда он пришёл к Серовым, Анна сидела у окна. Красной шапки на столе больше не было. Павел затягивал ремень на небольшом дорожном мешке: Самойлов договорился о машине, отец собирался ехать с сыном в район.

Корнеев снял перчатки, положил на стол бумажный свёрток.

— Посмотрите. Ваши?

Павел узнал часы прежде, чем следователь успел развернуть бумагу до конца.

— Мои.

— Проверьте надпись.

Он наклонился. На крышке, между потёртостями, читалась его фамилия. Павел провёл пальцем по воздуху над буквами, не коснувшись металла.

— Они. И стекло здесь.

— Нашли возле пня, где ребята поправляли лыжи. Ремешок порван.

Павел поднял часы за корпус. Короткий конец ремня лёг ему на ладонь.

— Так он обратно пошёл?

Корнеев подождал, пока отец посмотрит на него.

— Возможно. Часы остались на горке. Миша мог заметить пропажу и вернуться.

— Один.

— Его возвращения никто не видел.

Павел повернулся к жене.

— А мы сперва от развилки к дому искали.

Анна не ответила. Она смотрела на ремешок.

Корнеев достал лист, записал признаки, по которым Павел узнал часы. Для подписи подвинул карандаш. Отец положил находку обратно на бумагу, расписался и снова взял её в руку.

— Он просил их поносить, — сказал Павел. — Ещё осенью.

За окном скрипнули полозья. Во дворе кто-то позвал хозяина, но Павел не обернулся.

— Я ему сказал: потеряешь. Сказал, пусть лежат.

Корнеев держал раскрытую папку. Бумагу под часы нужно было завернуть, на свёртке сделать надпись; он ждал, пока Павел положит их на стол.

Анна подошла от окна.

— Паша, нас ждут.

Он кивнул. Попытался заправить оборванный ремешок под скобку, как заправлял, когда часы ещё можно было надеть. Кожа выскользнула. Он попробовал ещё раз.

Анна положила ладонь ему на руку.

— Оставь. Потом.

Глава 5. До темноты

8 декабря 1957 года. Кедровый Притёс.

Утром мороз окреп.

За ночь утоптанный снег на деревенских улицах стал жёстким, а на окнах домов наросли толстые белые узоры. Дым из печных труб поднимался прямо вверх и долго стоял над крышами, не рассеиваясь в неподвижном воздухе. За околицей, где начинались поля и дальше темнела тайга, было тихо.

Накануне Корнеев вернулся из Тихой Затеси в Качуг. Доронин передал, что у Притёса снова нашли большие следы; следователь договорился с двумя охотниками и выехал с ними до рассвета.

Машину оставили возле последнего дома. Дальше дорога шла под уклон, пересекала замёрзший ручей и терялась среди редких лиственниц. Именно там Доронин накануне заметил свежую дорожку лап. Отпечатки у двора Климовых уже были описаны; теперь нужно было понять, держится ли зверь возле деревни.

Участковый Доронин ждал у калитки. Из машины выбрались Степан Глухов и Николай Рябцев. Оба жили теперь в Качуге, но охотились в этих местах с молодости. Глухов, высокий, сухопарый, с обветренным лицом, всю жизнь промышлял белку, соболя и лося. Рябцев был ниже ростом, широкоплечий, немногословный. Волков ему приходилось видеть не раз, хотя специально волчатником он никогда не был.

Корнеев поздоровался, посмотрел на ружья.

— Следы сохранились?

— Под ручьём должны сохраниться, — ответил Доронин. — Снега ночью почти не было.

— Далеко идти?

— Смотря куда он повернул.

Доронин поправил воротник полушубка.

— До темноты вернуться надо. В лесу сейчас рано темнеет.

Глухов ничего не ответил. Он уже смотрел в сторону тайги.

У машины разобрали широкие охотничьи лыжи. Для Корнеева Доронин одолжил пару у соседа; следователь дважды подтянул незнакомое крепление. Вышли, когда над лесом проступила бледная полоска света.

Сначала шли по старой санной дороге. Лыжи громко скрипели на укатанном снегу. По обе стороны стояли невысокие берёзы, дальше начинался густой ельник.

Минут через двадцать Глухов остановился.

— Здесь.

Он сошёл с дороги и присел возле неглубокой канавы, почти занесённой снегом.

Остальные подошли.

На белой поверхности отчётливо виднелись отпечатки лап.

Корнеев сначала не понял, что именно заставило охотника так долго их рассматривать. Следы были похожи на собачьи, только крупнее и вытянутее. Четыре пальца, отметины когтей, широкая подушечка.

Глухов снял рукавицу и положил ладонь рядом с одним отпечатком.

Отпечаток оказался почти длиной с его ладонь.

— Это волк? — спросил Корнеев.

— Волк.

— Уверены?

Глухов поднял голову.

— По лапе похоже. И ход посмотрите.

Он показал дальше, где следы тянулись ровной цепочкой между кустами.

— Заднюю ставит почти в переднюю. Дорожка ровная, пальцы собраны. Собака тоже может пройти прямо; здесь всё вместе смотреть надо.

Рябцев присел рядом.

Несколько секунд он молча рассматривал отпечаток, потом смахнул с его края немного рыхлого снега.

— Ты погляди, Степан.

— Вижу.

— Края чистые, — заметил Рябцев. — Не старый след.

— Похоже, с ночи, — согласился Глухов. — Но мороз края хорошо держит.

Корнеев перевёл взгляд с одного охотника на другого.

— Что не так?

Рябцев выпрямился.

— Лапища-то какая.

— Насколько?

— Такой мне ещё не попадался.

Глухов достал из кармана складной метр, разложил несколько звеньев и осторожно приложил к следу, не касаясь краёв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.